

К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ КАК ОСНОВНОЙ НОМИНАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ РЕЧИ

© 2008 О.А.Кулаева

Самарский государственный педагогический университет

В статье рассмотрено наименование как лингвистический феномен. Выдвинут тезис о том, что в речевой стихии, в отличие от системы языка, в качестве основной номинативной единицы выступает не слово, а наименование фрагмента экстралингвистической реальности, которое может быть как моно-, так и полилексемной.

Ряд ученых признает, что основной единицей языка является слово как цельнооформленное языковое образование (В.В.Виноградов¹, А.И.Смирницкий², И.В.Арнольд³, З.А.Харитончик⁴ и др.). В слове, как в фокусе, сходятся фундаментальные закономерности всех уровней языковой системы – от фонетического до фразового. Что же касается раздельнооформленных вербальных образований – устойчивых сочетаний слов – они, как правило, причисляются к периферии лексико-фразеологического фонда языковой системы. Так, Д.О.Добровольский (1993)⁵ полагает, что идиомы (фразеологизмы и фразеоматизмы) служат дополнительным (по отношению к словам) номинативным средством языка; в их коммуникативном задании экспрессивная и эмотивно-оценочная функции превалируют над денотативно-сигнификативной. По мнению, Д.О.Добровольского⁶, они употребляются вместо отдельных слов в тех случаях, когда продуцент речи стремиться не только обозначить внеязыковой объект, но и выразить свое отношение к нему. Например, фразеологизм *to bring one's hogs to market* «хра-

петь» используется тогда, когда говорящий задался целью выразить мысль шутливо-насмешливо.

Наши наблюдения над обширном корпусе речевого материала привели к выводу о том, что устойчивые словосочетания с приращенным смыслом регулярно употребляются, прежде всего, в номинативных и лишь в дополнение к этому – в экспрессивных и эмотивно-оценочных целях. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, многие устойчивые словосочетания не имеют цельнооформленных (однословных) коррелятов. Например, значение фразеологизма *to carry water in a sieve* невозможно десигнировать одним словом. Его можно выразить лишь описательной формулировкой «*to do something that, in the long run, produces no positive result and so is a waste of time, effort, and materials*» (словарь В.Рythian). В еще большей мере это относится к фразеоматизмам: будучи устойчивыми наименованиями объектов, они чаще всего не имеют однословных синонимов. Так, словосочетание *sleeping partner* имеет значение, передаваемое дефиницией «*a nominal partner who doesn't actually participate in running the business*» (словарь COD).

В коммуникативном задании таких словосочетаний преобладают идентифицирующая и моделирующая функции, причем последняя в ряде случаев выполняется ими более эффективно, чем отдельными словами, так как фразообразовательные средства позволяют более детально отразить структуру объекта номинации, чем словообразовательные. Например, внутренняя форма фразеологизма *to beard the lion in his den* «*the attack, oppose or confront one's powerful opponent on*

¹ Виноградов В.В. Труды по лексикологии и стилистике. – М.: Высш. шк., 1977.

² Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «отдельности» слова)//Вопросы теории и истории языка: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1954.

³ Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – Л.: Просвещение, 1983.

⁴ Харитончик З.А. Лексикология английского языка. – Минск: Вышэйшая школа, 1993.

⁵ Добровольский Д.О. Фразеология современного немецкого языка: типологическое исследование. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1993.

⁶ Там же.

his own ground» дает возможность представить ролевую структуру этой типовой ситуации (охотник – лев – логово) и расстановку сил участников. Вряд ли все это можно отобразить во внутренней форме отдельного слова.

Во-вторых, устойчивые словосочетания зачастую бывают гораздо лаконичнее и потому удобнее, чем многословные описательные формулировки, поскольку, вследствие наличия приращенного смысла, они обладают повышенной семантической емкостью. Так, словосочетание *buddy seat* несравненно короче и удобнее для речевого употребления, чем *one-wheeled passenger carriage attached to the side of a motorcycle*.

В-третьих, большинство фразеологизмов являются вовсе не дополнительными, а основными или даже единственными наименованиями соответствующих внеязыковых объектов. Например, словосочетание *teddy bear* предпочитается в английской речи всем другим возможным названиям этого предмета (*toy bear, plush bear, play bear, etc.*), а словосочетание *glove compartment* является безальтернативным номинатором соответствующего объекта (ниши для мелких вещей в кабине автомобиля).

Все это приводит к выводу о том, что многие устойчивые раздельнооформленные номинаторы представляют собой языковые образования, равноправные с цельнооформленными и потому относящиеся к ядру, а не к периферии лексико-фразеологического фонда. Однако, даже если признать, что в системе языка в качестве основного номинативного средства выступает все же отдельное слово, то в пространстве речевого общения, на наш взгляд, отдельные слова не обладают номинативным приоритетом перед словосочетаниями разной степени устойчивости.

Как известно, в системе языка слово представлено как абстрактная единица, обладающая определенным номинативным потенциалом. Оно соотнесено не с единичным экстралингвистическим объектом (референтом), а со всем классом объектов (денотатом). Лексико-семантическая система языка, по Ф. де Соссюру, представляет собой сеть, через которую носители языка видят мир и которая делит внеязыковую реальность на фрагменты определенным образом, характерным для

данного языка⁷. Это то, что обычно называют языковой картиной мира.

Однако в пространстве речевого общения языковая картина мира вступает во взаимодействие с когнитивной картиной мира, в результате чего в глазах языкового и культурного коллектива мир оказывается фрагментирован несколько иным образом. Этнокультура распадается на множество типовых ситуаций (культурных сценариев), которые, в свою очередь, делятся на когнитивные элементы разной степени сложности. Не все они имеют однословные обозначения в языке. Многие из них именуется устойчивыми и полуустойчивыми словосочетаниями, причем целый ряд таких составных имен не входит в систему языка, а относится к «надязыковому» фонду номинаторов. Например, одна из операций, входящих в состав сценария «Визит к стоматологу», обозначается словосочетанием *to fill in a cavity* (ср. рус. *поставит пломбу*). Оно обладает не системно-языковой, а нормативно-речевой устойчивостью, то есть в рамках данного сценария предпочитается всем другим вариантам обозначения этой операции (*to put a stopping on smb's tooth, etc.*).

В составе устойчивого словосочетания отдельное слово, рассматриваемое как номинатор, играет подчиненную номинационную роль. Его номинативная самостоятельность снижается в силу того, что составное наименование характеризуется глобальностью обозначения объекта; в этих случаях слово выполняет скорее функцию фиксатора, чем номинатора фрагментального смысла, то есть ту функцию, что и морфема в составе слова. Степень снижения номинативной самостоятельности у слов варьирует в зависимости от характера приращения смысла от минимальной до полной утраты номинативной функции. Функциональное сближения слов-компонентов с морфемами способствует лексикализации устойчивых словосочетаний, что характерно для английского языка с его тенденцией к корнеизоляции.

Мы провели статистический обсчет языкового обеспечения 12 сценариев английской лингвокультуры (общим объемом 866 наименований когнитивных элементов) и

⁷ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.

пришли к выводу о том, что однословные номинаторы не имеют существенного численного преимущества перед составными (58% однословных и 42% составных номинаторов). Это, на наш взгляд, позволяет утверждать, что основной номинативной единицей в пространстве речевого общения следует считать не слово, а наименование (номинатор). Номинаторы делятся на однословные (цельнооформленные) и составные (раздельнооформленные). Последние, в свою очередь, подразделяются на неустойчивые (переменные) и устойчивые (в разной степени). В изолированном употреблении либо в составе переменного словосочетания слово выступает как однословный номинатор, а в составе устойчивого словосочетания – как часть составного номинатора. И те, и другие номинаторы суть устойчивые (в разной степени) наименования когнитивных элементов. Таким образом, речевой поток можно представить как цепь (синтагму) устойчивых номинаторов (исключая слова, не несущие номинативной функции – междометия, восклицания и т.п.), а языковое обеспечение когнитивной картины мира – как парадигму устойчивых номинаторов.

Поскольку граница между переменными и устойчивыми словосочетаниями размыта, на практике в ряде случаев бывает трудно определить, является ли данное слово самостоятельным номинатором или частью составного. Например, устойчивость словосочетаний *tin roof*, *brick building*, *crocodile shoes* находится под вопросом, поэтому не вполне определен и номинативный статус их лексических компонентов (то есть не вполне ясно, снижена ли их номинативная самостоятельность).

Продуцент речи далеко не всегда создает номинаторы; зачастую он использует готовые наименования, созданные усилиями предшественников и закрепленные в системе языка, норме и узусе речи в качестве устойчивых. Значительная часть речепорождающего процесса совершена заранее; говорящему (пишущему) остается лишь составить цепь из готовых блоков.

Осознание этого факта заставляет внести важную коррективу в хомскианскую генеративную модель: речь состоит не непосредственно из слов (единиц языка), а из номинаторов разной степени устойчивости:

слова же при этом выступают как их конституэнты. Поскольку разноразличные номинаторы не изоморфны, то и алгоритмы выражения мысли (построение речи на разных языках) обладают этнолингвистической спецификой.

По Н.Хомскому⁸, порождение высказывания *I caught an afternoon plane bound for Seattle (R.Pike)* представляет собой конструирование синтаксической схемы предложения путем серии трансформаций из базисных бинарных синтагм с последующим заполнением ее ячеек словами в соответствующих морфологических формах: такое заполнение называется фонетической и семантической интерпретацией предложения.

Продуцент высказывания не соединяет отдельные слова, а контаминирует три готовых словосочетания, нормативно-устойчивых в рамках сценария «Авиапутешествие»: *to catch a plane + an afternoon plane + plane bound for <N.>*, оформляя возникшую конструкцию морфо-синтаксически (форма глагола *Past Simple*). Эта конструкция не обладает межъязыковой универсальностью. Так, формирование и формулирование этой мысли по-русски не приводит к построению фразы **Я поймал послеполуденный самолет, направляющийся в Сиэтл*. Нормативное изосемантическое русское высказывание строится путем контаминации других устойчивых блоков (*успеть на рейс + курсом на/до <Н.>*) и звучит как *Я успел на дневной (авиа) рейс (курсом/направлением) на Сиэтл* (или: *до Сиэтла*). Аналогичным образом, чтобы выразить по-английски мысль «Я хотел купить билеты на передний ряд, но их уже не было», нужно соединить готовые блоки *to be going + to book seats + to sell out seats: I was going to book seats in the pit, but they were sold out*. Составление фразы из готовых блоков делает ее нормативной, в то же время как ее построение из отдельных слов или калькирование русских словесных оборотов (**I wanted to buy tickets to a front row, but there weren't any*) приводит к отступлению от аутентичности английской речи.

Нормативно-устойчивые обороты, наряду с системно-устойчивыми (терминологическими и квазитерминологическими), как уже отмечалось, существуют в рамках опре-

⁸ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 1972.

деленных культурных сценариев в качестве их языкового обеспечения. Так, в рамках сценария «Заключение контракта» принято говорить to place/accept an order, а в рамках сценария «Посещение ресторана» – to make/take an order. Ср. также: to advise the prices «уведомить о расценках» (при ведении переговоров) – to give the prices «назвать цены» (комментировать меню). Языковая компетенция должна включать не только системно-языковые, но и нормативно-речевые наименования, именующие культурную «привязку». Отсюда следует важный практический вывод: в целях порождения неродной речи, претендующей на соответствие требованиям не только коммуникативной достаточности, но и нормы аутентичной речи, говорящий должен обогащать свой лексикон не словами как таковыми (взятыми непосредственно из словаря), а языковым обеспечением инокультурных сценариев, то есть системными и нормативными номинаторами. Иначе говоря, освоение навыков иноязычной речевой деятельности должно вестись в обязательной тесной «привязке» к типовым денотатным и речевым ситуациям. В противном случае неизбежна подстановка сценариев родной культуры под неродную речь и дословный перевод их языкового обеспечения на неродной язык. В качестве иллюстрации приведем ряд словосочетаний из поздравительных открыток, врученных русскоязычными школьниками своим учителям английского языка: *to congratulate on the New Year (калька с рус. *поздравлять с Новым Годом*), *to meet the New Year (калька с рус. *встречать Новый Год*), *Please take this modest present from us (калька с рус. *Примите от нас этот скромный подарок*), а также из инсценировки на английском языке, разыгранной на школьном новогоднем вечере: *the Fir Tree, *the New Year toys, *Santa Claus and the Snowgirl и т.п. Речевое мышление говорящих на неродном языке, вследствие недостаточного знакомства с английским сценарием встречи Нового года и его языковым обеспечением, явно «двигалось по рельсам» традиционного русского сценария. Отсюда отождествление Санта Клауса с Дедом Морозом (у Санты нет Внучки), употребление Fir Tree вместо Christmas Tree, неправомерное использование глагола to congratulate в сочетании с названием календарного праздника, построение сло-

восочетания *to meet the New Year (правильно to have the New Year in), словосочетание *take this modest present (вместо accept this humble gift), *the New Year toys (вместо decorations) и др. Речь, лишенная подлинной лингвокультурной сценарной основы, далека от аутентичной, даже если она не содержит грамматических и других системно-языковых ошибок.

Ч.Филлмор (1987)⁹ писал о том, что в языковом сознании человека слова организованы в группы на базе когнитивных структур (конфигураций организации памяти), называемых фреймами. Однако все сказанное выше приводит нас к выводу о том, что эти лексические группы состоят отнюдь не только из отдельных слов (простых номинаторов), но и из словосочетаний различной степени устойчивости (составных номинаторов), в том числе таких, которые не входят в систему языка, а обладают такой устойчивостью, которая поддерживается нормой речи и существует лишь в рамках одного или нескольких фреймов (сценариев). Поскольку степень устойчивости словосочетаний варьирует в широких пределах, провести четкую границу между языковыми и речевыми устойчивыми номинаторами зачастую не представляется возможным. Поэтому, на наш взгляд, при решении определенного круга исследовательских задач, связанных с проблемой номинации, дихотомия «язык – речь» в сфере номинативных единиц, в силу размытости и определенной условности межкатегориальной границы, оказывается не вполне удобной в качестве эпистемологической базы исследований. В ряде случаев более эффективным оказывается представление о системе номинаторов, располагающихся на многоступенчатой шкале по степени устойчивости (от полной до нулевой). Эта система образует один из уровней лингвистического континуума, а именно уровень номинаторов смысла.

Все, что входит в коллективную когнитивную картину мира, снабжено словесными «ярлыками» – более или менее устойчивыми наименованиями. То, что в нее не входит, обозначается неустойчивыми наименованиями, создаваемыми продуцентом речи ad hoc.

⁹ Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. – М.: Прогресс, 1987.

Неустойчивое наименование конструируется индивидуумом в тех случаях, когда:

1) у данного внеязыкового объекта нет общепринятого наименования в данном языке (например, у новооткрытого, ранее не известного объекта или у инокультурной реалии; ср. англ.: Russian shapeless felt boots, рус. *валенки*);

2) именование носит ситуативный характер (например, *that man in a black coat*);

3) общепринятое наименование неизвестно данному продуценту речи. Например:

'What's *that strange contraption*?' (неустойчивое наименование)

'That's our new *collapsible table*' (устойчивое наименование). (H.Andrews).

Ср. также рус.: «Она ...перекрестилась широким русским крестом и *повернула ручку пулемета*» (Тэффи). Писательница, далекая от военного дела, явно не знала, что упомянутое ею действие имеет устойчивое наименование *нажать на гашетку*.

По мере освоения той или иной области действительности коллективное познающее сознание все больше категоризирует, дискретизирует и систематизирует (то есть формализует) ее когнитивную картину. Возникшие

по первому впечатлению непостоянные, бессистемные (или слабо систематизированные) единицы смысла заменяются постоянными, дискретными, объединенными в систему единицами. Стабилизация когнитивных единиц влечет за собой появление устойчивости у их лингвистических десигнаторов. Эта устойчивость носит вначале локальный характер (она существует в рамках данной денотатной ситуации), а затем, по мере распространения знания в языковом коллективе, может приобрести глобальный характер, но придает данному языковому образованию статус единицы языка. Например, словосочетание *the inferiority complex*, первоначально употреблявшееся лишь в трудах А.Адлера, по мере популяризации его теории все больше становилось общепринятым устойчивым названием соответствующего явления и ныне является не только научным термином, но и общеупотребительной единицей английского языка. (Ср. рус. *комплекс неполноценности*, а также его усеченный разговорный вариант *комплекс* и производный от него глагол *комплексовать* <по поводу чего-либо>).

TO THE QUESTION ON THE NAME AS BASIC NOMINATIVE UNIT OF SPEECH

© 2008 O.A.Kulaeva

Samara state pedagogical university

The article deals with the name as a linguistic phenomenon. The thesis is put forward that in speech elements, unlike language system, as a basic nominative unit is a word, and the name of an extra-linguistic reality fragment which can be both mono- and poly-lexical.